

Не спела "Интернационал" — вон из училища!

Заслуженная и народная артистка России,
народная артистка СССР. Четырежды
лауреат Государственной премии.

"Женица года" -95. Обладательница премии
"Золотой софит". Профессор нескольких
учебных заведений. Наконец, просто княгиня.
Это все она — Наталья ДУДИНСКАЯ.

От списка наград, в особенности
столь внушительного, неизбежно веет
легким музейным холодком. Сразу хочется
спуститься на грешную землю
и спросить замечательную балерину
о чем-нибудь совсем житейском
(благо, сама Дудинская считает жизнелюбие
основной своей чертой). Ну, например...

— Наталья Михайловна, как
вам удастся так эффектно вы-
глядеть?

— Большой мудрости в этом
нет. Особого внимания своей
внешности не уделяю. Главное,
чтобы волосы были уложены. Хо-
рошая прическа — половина дела...
Постойте, а что, это уже интервью
началось?.. Серьезно? Ну и вопро-
сы у вас. А что, и дальше такие?

— В одной из статей о вас было
написано: "Дудинская не опаз-
дывает только на собственные
спектакли". Это действительно
так?

— Было, было. Подчас попадала
в забавные ситуации. Мы с Кон-
стантином Михайловичем Серге-
евым пошли в БДТ на премьеру. Я
опаздывала. Константин Михайло-
вич нервничал. Приехали за не-
сколько минут до начала. Но мне
надо было еще переобуться, при-
вести себя в порядок, и все такое
прочее. Константин Михайлович
отправился в зал и сел в первом
ряду партера. А минут через пять и
я была готова. Билетерша меня
впустила. Зал темный. Сцена от-
крыта. Кирилл Лавров говорит
свой монолог (он начинал спек-
такль один). Я проскользнула че-
рез боковую дверь и пошла по цен-
тральному проходу к своему месту.
И — о, ужас! — Кирилл Юрьевич,
согласно режиссерскому замыслу,
закончив свой монолог, спускает-
ся по лестнице в зал и идет мне на-
встречу. Он меня знает, я его тоже.
Думаю: "Только не хватало ска-
зать: 'Здравствуйте, Кирилл Юрь-
евич'". Заметалась — все места за-
няты, сесть некуда. Повернулась
почти спиной — лишь бы Лавров ме-
ня не видел. А Константин Михай-
лович, обернувшись на стук дvereи,
наблюдая немую сцену и помир-
ал от хохота. Но все обошлось:
Лавров был в образе, и меня, к сча-
стью, не заметил.

— Многие вспоминают, что у
вас с детства был хороший го-
лос. Не возникало соблазна вы-
брать оперную карьеру?

— Нет, никогда. Меня даже нача-
ли учить пению. Но я чувствовала
себя с открытым ртом совершен-
ной дурочкой. Пение — не моя сте-
зия. С детства меня окружал танец,
танцовщицей была мама. Так что
петь... А вот слух был действительно
абсолютный. Хорошо знаю и
люблю музыку. Ту же "Раймонду"
могу спеть с первой до последней
ноты и абсолютно точно. Люблю
мурлыкать что-то себе под нос. У
меня был чудный кот по имени
Пус. Почему-то ему очень нрави-
лось мое пение. Допустим, спит
где-то на диване в другой комнате,

но стоит мне замурлыкать песенку
— дверь медленно открывается: за-
ходит, садится рядом и, пока пою,
смотрит не отрываясь. Представ-
ляете, поклонник! Если приходили
гости, я спрашивала: "Хотите ма-
ленький спектакль?" Пус ни разу
не подвел.

— Наталья Михайловна, в пору
вашего расцвета Кировский те-
атр почти не гастролировал за
границей.

— Уверю, это только кажется.
Конечно, ездили не так, как ны-
нешние артисты. Но все-таки бы-
вали в Америке — с "Золушкой",
"Раймондой" и "Спящей красави-
цей", во Франции, Германии. Пер-
вой страной, куда я поехала на га-
строли, была Турция. Муж Марины
Тимофеевны Семеновой Лев Кара-
хан — он был нашим послом в Тур-
ции — захотел, чтобы артисты при-
ехали с концертом. Это было до
войны, году в 35-м. Поехали Барсо-
ва, Максакова, Пирогов, Шостако-
вич, Ойстрах, Норцов. Сама Мари-
на Тимофеевна как жена посла
выступать там не могла. Она очень
меня любила и пригласила по-
ехать. Я только-только начала
танцевать с Чабукиани и никуда
уезжать не хотела. Но тем не ме-
нее должна была это сделать.
Партнером моим был Асаф Мессе-
рер. Выступали в Стамбуле, Смир-
не, Анкаре. Турки принимали ба-
лет великолепно: первым номером
шел "Футболист" Мессерера. Я
танцевала "Умирующего лебедя",
и мы вместе с Асафом — па де де из
"Дон Кихота" и пичикаю, если я
не ошибаюсь, на музыку Дриго
(этот номер Асаф сочинил сам).

— В 1937 году Ваганову "ушли"
с поста художественного ру-
ководителя балета, и вы были од-
ной из немногих, кто встал на ее
защиту. Чем была вызвана та си-
туация?

— Труппа сильно нападала на Ва-
ганову. "Врагом народа" ее, конеч-
но, никто не называл. Совести хват-
ило. Но большинство нападков бы-
ли явно несправедливыми. К кому-
то она относилась лучше, к кому-
то — хуже. Мнения своего не скры-
вала. От ее симпатий и антипатий
в театре многое зависело. Но не
может же человек одинаково ко
всем относиться!.. Большинство в
труппе ее здорово не любило.

— За что?

— Да за то, что оценивала по до-
стоинству. Многим, естественно,
казалось, что это меньше, чем они
стоят. Ваганова сильно выдвигала
молодежь — "старикам" это не нра-
вилось.

— В 30 — 40-е годы Большой те-
атр активно переманивал наших

балерин. Вас приглашали в
Москву?

— Да. Но я не могла уехать от Ва-
гановой — она давала мне очень
много. Тогда я была совсем де-
вочкой — 18 лет.

— Вы помните свой последний
спектакль?

— Своего, пожалуй, не помню.
Помню последнюю "Жизель" Кон-
стантина Михайловича. У меня-то
и не было прощального спектакля
как такового. Долгое время я тан-
цевала в театре отдельные спек-
такли — "Тропую грома", "Тараса
Бульбу". Выступала в концертных
программах. Уже уйдя из театра,
сделала много творческих вече-
ров. Вела в театре класс молоде-
жи, и все мои питомцы принимали
участие в этих концертах. Думаю,
получались очень нарядные вече-
ра. В концертах я танцевала, в ча-
стности, весьма интересный испан-
ский танец с двумя кавалерами —
Анатолием Гридиным и Игорем
Чернышевым, которого позже сме-
нил Борис Брегадзе. Я очень лю-
била характерные танцы. Но в те-
атре их никогда не танцевала. Этот
голод утолял концерты.

— Наталья Михайловна, годы
руководства балетом для Кон-
стантина Михайловича были ом-
рачены "бунтом балерин". Вас
это задело рикошетом. Писа-
лись открытые письма в газеты:
"Не хотим превращаться в труп-
пу Сергеева и Дудинской". Как
вы оцениваете эти события с
высоты прожитых лет?

— Объясню все завистью. Зави-
довали мне, завидовали Констан-
тину Михайловичу. Но при нем ба-
лет процветал, а после начался
спад... Зависть, зависть — мать
всех пороков.

— Как сегодня складываются
ваши взаимоотношения с Мари-
нским театром?

— Я работаю там эпизодически.
Репетирую спектакли и отдельные
партии, когда меня об этом просят.
Из всех балерин чаще всего рабо-
таю с Маргаритой Кулик. Недавно
после долгого перерыва была по-
казана сергеевская "Раймонда", в
работе над которой я приняла не-
которое участие.

— И каков результат?

— Не хочу сказать, что спектакль
прошел безупречно. Но все шеро-
ховатости вызваны исключительно
тем, что он не появлялся на сце-
не довольно долго. Ему необходи-
мо "обкататься".

— С кем из коллег сохраняете
дружеские отношения?

— Наиболее теплые — с Мариной
Семеновой. Мы не перестаем
встречаться, наши встречи редки, тем не ме-

нее нашу взаимную симпатию вре-
мя поощало. Семенова со школы
была моим идеалом танцовщицы.
А познакомились мы при обстоя-
тельствах, от искусства весьма да-
леких. В Ленинградское балетное
училище меня приняли сразу в пя-
тый класс. Уточню — в класс танце-
вальный: благодаря маме в быт-
ность нашу в Харькове я, девочка,
часто выступала на сцене, техни-
чески умела многое. Общеобразо-
вательная же моя подготовка ос-
тавляла желать лучшего — на при-
стойном уровне был только фран-
цузский язык. В сентябре начались
занятия. Подросли революцион-
ные праздники. Мы, ученики, оде-
тые в костюмы разных народов,
должны были хором исполнять
"Интернационал". Нас выстроили
так: мальчики крест-накрест сце-
пили руки, и на этом "стульчике"
помещалась девочка. Запели. И
тут мальчишки, пользуясь моим
беспомощным (в такой-то позе!)
состоянием, принялись щипать ме-
ня за то место, на котором я сиде-
ла. Понятно, что мне было не до
пения. Я вся извертелась. Веду-
тель училища Виктор Александрович
Семенов был вне себя: "Ду-
динская! Вы не знаете "Интернаци-
онал"! Какой позор! Вон из учили-
ща, чтобы я вас больше не видел!"
Ужас какой! Что я скажу маме?
Только приняли — и вот, пожалуй-
ста. Стою в коридоре, плачу. Под-
ходит ко мне старшая воспитанни-
ца: "Девочка, почему ты плачешь?"
Я рассказала. "Ну не плачь, я по-
прошу Виктора Александровича
чтобы он тебя не выгонял!" Возвра-
щается: "Виктор Александрович
хотел сказать, что он тебя сегодня
видеть не хочет". Это и была Се-
менова. Вскоре Виктор Александрович
стал ее мужем...

Вообще учителя со мной намучи-
лись. Я была сорванцом. Впрочем,
все мы горады были на проказы.
Вспоминаю, коль скоро заговори-
ла о Семенове, такой случай. В
училище на окнах висели длинные
синие шторы. Если влезть на подо-
конник и встать у окна, то тем, кто
находится в комнате, человек на
окне будет прекрасно виден
сквозь шторы. Естественно, мы не
прошли мимо этого полезного
свойства. Одна из учениц взобра-
лась на окно и стала представлять
сцены из немого фильма. По-мое-
му, он назывался "Проходящие те-
ни". Играл там Иван Мозжухин.
Картина была популярна неверо-
ятно. Мы покатывались со смеху:
актриса наша очень старалась. И
вдруг входит Виктор Александрович.
Мы оцепенели, покраснели и
взмолкли от ужаса. Девочка за шторой
бесмятежно продолжает пред-
ставление. Директор смотрит не-
которое время: "Это еще что та-
кое?" Из-за сомкнутых штор
глядывает испуганная голова. Ак-
триса нашлась быстро. "А это, Вик-
тор Александрович, — говорит она,
запыхавшись, — "Проходящие те-
ни". Директор засмеялся, и выход-
ка осталась без последствий.

— Наталья Михайловна, у вас
есть любимые праздники?

— Да. Но это зависит от того, с
кем и при каких обстоятельствах
праздновать. Уходят близкие, до-
рогие мне люди, и без них даже
Пасха не Пасха.

Беседу вела
Юлия ЯКОВЛЕВА
Санкт-Петербург